

Орлов Игорь Борисович, д.и.н., проф.
кафедры политического поведения НИУ-ВШЭ

**Национальный и интернациональный компоненты советской
военной пропаганды¹**

В рамках данной статьи на основе документов двух центральных российских архивов (Государственного архива Российской Федерации и Российского архива социально-политической истории) реконструируется «пропагандистский поворот» на завершающем этапе Великой Отечественной войны. Отложившиеся в ГА РФ документы ТАСС, Совинформбюро, Всесоюзного радиокомитета и Антифашистских комитетов позволяют уловить трансформацию пропагандистских установок и образов.² Так, заголовки вестников Редакции фронтовой информации за 1944 г.³ демонстрирует снижение удельного веса публикаций, посвященных теме мести и сюжетов, связанных с патриотизмом. Анализ подзаголовков материалов Редакции контрпропаганды⁴ позволяет выделить ряд направлений пропаганды: на все страны; на нейтральные страны; на оккупированные страны; на Германию и ее союзников; отдельно на союзников Германии; на отдельные страны фашистского блока; на США, Англию и другие страны антигитлеровской коалиции. В свою очередь, списки вычерков Главлита позволяют увидеть, как новый пропагандистский конструкт обретал свою плоть и кровь с помощью «ножниц» цензора.⁵

Материалы Управления пропаганды и агитации и ВППШ при ЦК КПСС, Центральные газетные курсы при ЦК партии и Политиздата,⁶ личных

¹ Опубликовано: Орлов И.Б. *Национальный и интернациональный компоненты советской военной пропаганды // Советские нации и национальная политика в 1920-1950-е годы: Материалы VI международной конференции, Киев, 10-12 октября 21013 г. М.: Политическая энциклопедия; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2014. С. 406-415.*

² ГА РФ. Ф. 4459. ТАСС; Ф. 8581. Совинформбюро; Ф. 6903. Гостелерадио СССР; Ф. 6646. Славянский комитет СССР; Ф. 7928. Антифашистский женский комитет; Ф. 8114. Еврейский антифашистский комитет.

³ Там же. Ф. 4459. Оп. 21. Д. 24-33.

⁴ Там же. Оп. 20. Д. 104-144.

⁵ Там же. Ф. 9425с. Главлит. Оп. 1. Д. 287-289, 391 и др.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. ЦК КПСС. Оп. 125. Управление пропаганды и агитации; Ф. 612. Высшая партийная школа при ЦК КПСС. Оп. 1, 2, 4, 5; Ф. 618. Центральные газетные курсы при ЦК ВКП (б). Оп. 1; Ф. 623. Политиздат. Оп. 1.

фондов А.А. Жданова, П.Н. Поспелова, А.С. Щербакова и других⁷ помогают уловить не только влияние на этот процесс видных деятелей советского Агитпропа, но и специфику распространения концепта «советского патриотизма» в армии и в тылу, в городе и деревне, в студенческой аудитории и в заводском цеху.

Поворотной точкой в масштабном использовании нового концепта можно считать речь И.В. Сталина на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями города Москвы 6 ноября 1944 г.: «В советском патриотизме гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза. ... В то же время народы СССР уважают права и независимость народов зарубежных стран и всегда проявляли готовность жить в мире и дружбе с соседними государствами».⁸

Конечно, само понятие «советского патриотизма» не было чем-то новым. Более того, первые признаки «пропагандистского поворота» наблюдались уже в начале 1944 г. Так, в отчете о работе отдела военной цензуры Генштаба РККА за декабрь 1943 г. указывалось на политическую ошибочность статьи «Беспримерный подвиг народа», опубликованной в № 272 от 15 ноября 1943 г. газеты 23-й армии «Знамя победы». Цензор обратил внимание на то, что в статье, рассказывающей об источниках силы Советского Союза, ничего не говорилось «о руководящей и организующей роли партии в борьбе советского народа с немецко-фашистскими захватчиками».⁹ План статей отдела пропаганды «Правды» на январь-февраль 1944 г., направленный П.Н. Поспеловым Г.М. Маленкову, помимо материалов о доблести советского народа и героизме красноармейцев,

⁷ Там же. Ф. 77. Жданов А.А. Оп. 3; Ф. 82. Молотов В.М. Оп. 2; Ф. 88. Щербаков А.С. Оп. 1; Ф. 629. Поспелов П.Н. Оп. 1.

⁸ Сталин И.В. Доклад на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями города Москвы 6 ноября 1944 года. Сочинения. Т. 15. М., 1997. С. 197-198.

⁹ ГА РФ. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 291. Л. 7-9.

содержал статью Пospelова о советском патриотизме.¹⁰ Тематика докладов и лекций МОПР на апрель 1944 г., рекомендованная партийными организациями, нацеливала на «воспитание советского патриотизма».¹¹

Отчасти смещение акцентов было вызвано некоторым перекосом в обращении к историческим образцам патриотизма. Так, в начале 1943 г. ГПУ РККА направило в войска специальную директиву о воспитании патриотизма на примерах героического прошлого русского народа. В различных изданиях политуправлений фронтов особо выделялся раздел об этике поведения русского офицера. Материалы ТАСС с осени 1943 г. в связи с битвой за Смоленск выстраивали прямые аналогии с событиями Отечественной войны 1812 года.¹² В речи на митинге одного из руководителей партизанского движения в Орловской области генерал-майора Горшкова исторический экскурс велся от Лжедмитрия и Петра I к Кутузову и Щорсу.¹³ В пропагандистских материалах 1944 г. довольно подробно рассказывалось о бронепоездах «Козьма Минин» и «Илья Муромец».¹⁴

Активное использование в пропаганде патриотического дискурса и исторического наследия России у части общества и элиты вызывало целую гамму чувств, начиная с удивления и заканчивая обвинениями в сдаче классовых позиций. Настораживало и то, что происходило в стране в 1943 г. на пике патриотической пропаганды: роспуск Коминтерна, реабилитация православной Церкви как ресурса патриотической мобилизации, введение в армии «старорежимных» погон, учреждение ордена Славы как прямого преемника Георгиевского креста и пр. Более того, упор на русские патриотические традиции сопровождался определенным ростом антисемитизма у части советской идеологической элиты. 15 июля 1943 г. начальник Управления пропаганды и агитации Г.Ф. Александров и заведующая отделом культпросветучреждений Т.М. Зуева в письме А.А.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 82. Л. 16, 17-20.

¹¹ ГА РФ. Ф. 8265. Оп. 1. Д. 168. Л. 113.

¹² Там же. Ф. 4459. Оп. 21. Д. 21. Л. 45.

¹³ Там же. Л. 100.

¹⁴ Там же. Д. 34. Л. 45-47.

Андрееву, Г.М. Маленкову и А.С. Щербакову о работе Государственного Академического Большого театра сетовали, что «вопреки традициям» из репертуара театра «в последние годы исчезли лучшие русские оперы». Причину сложившегося положения авторы письма усматривали в том, что «в старейшем русском театре руководящий состав работников театра подобран односторонне по национальному признаку»: из 10 перечисленных в письме лиц, 7 (включая и.о. директора театра Леонтьева и художественного руководителя Самосуда) были евреями.¹⁵ Участились факты проявления антисемитизма и на местах. К примеру, в 1944 г. в школах Волжского района Марийской АССР ученики на уроках заявляли, что у евреев существует обычай употреблять кровь христианских детей.¹⁶

Пропагандистская инерция зимы – весны 1944 г. демонстрировала верность старым образцам. Так, 19 января 1944 г. А.С. Щербаков направил Л.П. Берии проект доклада «Под знаменем Ленина - Сталина советский народ идет к победе» на траурном заседании, посвященном памяти В.И. Ленина, в котором внимание еще акцентировалось на том, что «великий русский народ, как старший брат в семье народов Советского Союза, сплотил вокруг себя все народы нашей Родины».¹⁷ Вестник фронтовой информации ТАСС от 7 апреля 1944 г. сообщал о выставке работ художника-фронтовика майора Ярослава Титова, открывшейся во фронтовом Доме Красной Армии. Среди почти семидесяти картин, портретов, этюдов и зарисовок, автор заметки (спецкор ТАСС на Карельском фронте капитан К. Сухин) обратил внимание на акварели «Дальше немцы» и «Честь погибшим», проникшим патриотическими настроениями. Также спецкор особо отметил обращение художника к историческому прошлому в серии акварелей «Новгород».¹⁸

Из сводки изъятий цензуры за январь-май 1944 г. узнаем, что цензор Гольдентрихт запретил к печати ряд стихов Иосифа Уткина, включенных в сборник избранных стихов автора 1924-1943 гг. «О родине, о дружбе, о

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 216. Л. 101-104.

¹⁶ Там же. Д. 311. Л. 26.

¹⁷ Там же. Д. 241. Л. 22-29.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 21. Д. 27. Л. 49об-50.

любви» (Гослитиздат, 1944). В частности, стихи о родине, написанные в дни Отечественной войны, были охарактеризованы цензором как весьма неглубокие и поверхностные по своему содержанию, лишенные «боевого патриотического духа». По мнению цензора, у поэта «образ Родины не зовет на борьбу против ее врагов, а наоборот порождает безмятежно блаженное состояние».¹⁹ Даже в конце октября 1944 г. на совещании в Политиздате поднимался вопрос о необходимости разработки темы «Роль русского народа в Отечественной войне». Партизанскую тематику было предложено освещать путем исторических параллелей с Отечественной войной 1812 г. Говорилось и о необходимости брошюры, разъясняющей, что «солдат Красной армии — носитель суворовских традиций».²⁰ В приказе Комитета по делам искусств при СНК СССР от 10 ноября 1944 г. было отмечено «недостаточное использование русской классической драматургии».²¹ Из отчета о работе Госполитиздата за 1944 г. видно, что сохраняется издательский интерес к вопросам борьбы за свободу и независимость нашей Родины, описанию героизма русского народа, жизни и деятельности полководцев: книги и брошюры 24 наименований (15,2% от общей тематики) были изданы 1,6 млн. экз. (5,3%) объемом 183 п.л. (25%).²²

Но уже с начала 1944 г. в СМИ и выступлениях идеологических работников появляются критические интонации относительно тех, кто слишком руководствуется примерами и опытом далекого прошлого. Все чаще стали говорить об опасности механического перенесения минувшего опыта на современность. В противовес этому настойчиво напоминалось о революционных традициях и примерах героизма из истории партии, жизни вождей и опыта Красной Армии.

К лету 1944 г. на острие пропагандистской работы оказалась историческая наука, о чем свидетельствует содержание писем, дискуссий и

¹⁹ Там же. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 287. Л. 13-14, 35-38, 61-63, 84.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 623. Оп. 1. Д. 125. Л. 5-5об.

²¹ Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 297. Л. 93-95.

²² Там же. Ф. 623. Оп. 1. Д. 466. Л. 1-3, 7.

совещаний этого года. Исторические дискуссии 1944 г. вокруг проблемы соотношения национального и интернационального выявили:

- отсутствие «ясности по некоторым принципиальным вопросам отечественной истории», а по ряду вопросов даже «существенные разногласия». Это касалось, прежде всего, сюжетов, связанных с присоединением народов и территорий (в том числе, о применимости теории «меньшего зла» в отношении народов Средней Азии), восстаниями против царизма на окраинах империи, местом малых народов в курсах по истории СССР;²³

- критику, с одной стороны, попыток использования «прогрессивно-исторических, народных традиций» в «духе буржуазного национализма», то есть сведения к прогрессивным явлениям всего, что увеличивало мощь России, независимо от классовых оценок. А.В. Ефимов в письме И.В. Сталину о состоянии исторической науки 27 мая 1944 г. привел случай, когда один учитель предложил снять тему: «I Интернационал» из программы средней школы. Он же, выступая на совещании по вопросам истории 5 июня 1944 г. говорил о неправильности «изображать Россию, как страну, в которой в 1812 году классы куда-то исчезли». Еще одной наглядной иллюстрацией критики «буржуазного национализма» стало выступление на этом же совещании И.И. Минца, усмотревшего вредную тенденцию «поднять на щит все, что можно изобразить борцом против старой России, ... не считаясь с тем, с кем мы имеем дело: может быть это просто абрек, разбойник». В качестве примера он привел книгу писателя Евгеньева «Пулеметчик Ханпаша» о 22-летнем Герое Советского Союза Ханпаше Нурадилове, убившем 920 немцев. Будущего академика возмутило, что вместо показа, «что сделала советская власть для воспитания таких героев», у писателя герой продолжает традиции Шейхат Мансура времен Екатерины II;²⁴

²³ Там же. Ф. 77. Оп. 3. Д. 26. Л. 16–17.

²⁴ Там же. Ф. 88. Оп. 1. Д. 1051. Л. 71-73, 121-122, 128-129, 143.

- с другой стороны, выступления против «абстрактно-классового» подхода, отрицающего в принципе моменты общегосударственного и национального единства в российской истории;²⁵
- критику отождествления морально-политического единства народа до и после Октября 1917 г. и, выделение, в силу этого, «небывалой в истории высшей, социалистической формы морально-политического единства» в годы Великой Отечественной войны;²⁶
- предложение «создать советскую теорию эволюции русской державы», положив в ее основу «три динамических момента»: «поворот на мирный труд» после походов на Византию («Наша история — есть история колонизации»), идеи «дружной обороны» и «равноправного подхода ко всякой другой национальности»;²⁷
- выдвижение в «благородном соревновании» принесения жертв для Родины на первый план русского народа и смещение акцентов в изучении истории народов СССР в сторону того, «когда и как вошли эти народы в состав Руси» и что «заставило их ... держаться за связь с русским народом»;²⁸
- критику ошибочности и вредности изображения России «как извечно агрессивной, а окружающих ее стран и народов, как извечно страдающих». К примеру, казахский историк Маргулан жаловался, что в отечественной историографии «установилось отрицательное отношение к монгольским нашествиям на Россию», тогда как в них принимали участие те, которых казахи считали «своими национальными героями». Академик В.П. Волгин прокомментировал эти слова как приписывание татарскому игу черт прогрессивного явления.²⁹

Еще до указанного выше выступления И.В. Сталина, в октябрьском номере 1944 г. журнала «Агитатор и пропагандист Красной Армии»

²⁵ Там же. Д. 1050. Л. 2-5об.; Д. 1051. Л. 143.

²⁶ Там же. Д. 1051. Л. 71-73.

²⁷ Там же. Л. 143.

²⁸ Там же. Л. 156-157.

²⁹ Там же. Л. 208-209.

патриотизм досоветского периода был объявлен исторически ограниченным. Что, впрочем, не помешало автору статьи говорить о сближении в общественном сознании периода войны «русского» и «советского» патриотизма.³⁰ На совещании работников агитмассовой редакции Политиздата 23 октября 1944 г. было намечено включить в редакционный портфель на 1 квартал 1945 г. работы о патриотизме колхозного крестьянства и советском патриотизме вообще. Сразу нескольким авторов предполагалось заказать брошюры тему «Советский патриотизм — великая сила».³¹

Новый концепт включал в себя ряд идеологических конструкций для «внутреннего использования»: многонациональной Красной армии, особой роли Октября 1917 г. и Гражданской войны в трансформации сущности патриотизма и т.п. Но помимо внутреннего измерения, решающую роль в закреплении концепта «советского патриотизма» сыграл внешнеполитический фактор - выход советских войск на границы СССР. 30 октября 1944 г. на очередном совещании в Политиздате звучали упреки, что тематическом плане издания на 1 квартал 1945 г. отсутствовала тема вступления Красной Армии на территорию сопредельных государств. В связи с этим звучали предложения осветить тему «Красная Армия» «в другом разрезе»: как освободительнице «всех свободолюбивых народов» и «борце за демократию».³² Впрочем, из сводки изъятий цензуры в материалах печати за 1944 г. видно, что цензура не приветствовала прямые указания на то, что в войне «мы боремся не только за свое освобождение, а осуществляем великую освободительную миссию по отношению ко всем народам».³³ И это неудивительно. Ведь в регионах бытовало весьма своеобразное понимание демократизации Европы. 2 июля 1945 г. уполномоченный КПК при ЦК ВКП (б) по Узбекской ССР Татаринцев направил Г.М. Маленкову докладную записку, в которой указывал, что заведующая Термезским райздравотделом

³⁰ Козлов Н.Д. Общественное сознание в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). СПб., 1995. С. 52-54.

³¹ РГАСПИ. Ф. 623. Оп. 1. Д. 125. Л. 1-2.

³² Там же. Л. 5-5об.

³³ ГА РФ Ф. 9425. Оп. 1. Д. 287. Л. 3об, 5об.

Хайбулина «вопрос демократизации европейских государств занятых нашей армией понимает, как создание в этих государствах Советской власти и присоединение их к Союзу ССР».³⁴ Думается, что она не была одинокой в своих ожиданиях.

Из отчета о работе Славянского Комитета за 1944 г. узнаем, что проблему славянского движения невозможно рассматривать «вне законов классовой борьбы, краеугольном камне марксистско-ленинской теории». В течение года издающийся Всеславянским Комитетом журнал «Славяне», «в прошлом сосредотачивавший свое внимание на показе славного прошлого славянских народов», перестроил свою тематику «в сторону большей актуализации печатаемых материалов». Уже в № 1 журнала за 1944 г. была опубликована «исключительно ценная статья» М. Калинина «Славяне и война», а в последних номерах журнала был напечатан ряд материалов, «разоблачающих польских и югославских реакционеров».³⁵

Тем не менее, именно сталинская речь активизировала процесс оформления нового пропагандистского конструкта. 23 февраля 1945 г. на теоретической конференции работников газеты «Правда» известный партийных публицист Д.О. Заславский, отталкиваясь от сталинской формулы советского патриотизма как «высшей форме патриотизма», развивает идею советского патриотизма как соединения традиционного патриотизма с интернационализмом. К любви к родным местам и народу Заславский добавляет «политическую любовь» к своему государству и общественному строю. У него патриотизм превращается в идеологию трудящихся, а советский патриотизм становится выражением «коммунизма, проповедуемого нашей партией». И этот новый патриотизм «вступает на новую почву» в связи с выходом советского человека в Европу. Эти идеи «прогрессивного патриотизма и воспринимающего» развивает в своем выступлении писатель В.М. Кожевников. В частности, он обрушивается с

³⁴ РГАСПИ. Ф.17. Оп.125. Д. 343. Л. 123-135.

³⁵ ГА РФ Ф. 6646. Оп. 1. Д. 53. Л. 5-15.

критикой на повесть Константина Симонова «Дни и ночи», где «ни у одного солдата не найдете ни одного впечатления, связанного с ... исторической битвой» за «первое в мире социалистическое государство, которое обрел наш народ в 1917 году», а все отнесено к прошлому.³⁶

Показательно, что заместитель заведующего Организационно-инструкторским отделом ЦК ВКП (б) Л.А. Слепов 6 апреля 1945 г. направил письмо Г.М. Маленкову с критикой тезисах отдела пропаганды и агитации Дрогобычского обкома КП (б) Украины «Об исторических особенностях Православной Российской и Западно-Украинской Греко-католической церквей». Партийный функционер охарактеризовал эти тезисы как «грубо ошибочные» за стремление «приукрасить передовую роль церкви». В частности, Слепов расценил как «заискивание перед духовенством» заявление, что «православная церковь, освобожденная Октябрьской революцией от кабального союза с царизмом, теперь в условиях советского строя обновила свое благородное лицо и репутацию».³⁷ Очевидно, что церкви не было место в идеологии «советского патриотизма».

Судя по всему, печать недостаточно активно включилась в процесс распространения нового пропагандистского конструкта. В апреле 1945 г. редактор газеты 2-го Прибалтийского фронта «Суворовец» Н.А. Бубнов получил из «Известий» письмо от В.А. Хмелевского с рассуждениями о «существовании советского патриотизма». В частности, корреспондент центральной газеты обратил внимание на то, что автор передовой статьи одного из номеров «Суворова», «разбирая подвиг героя и его отношение к советской Родине, ни разу этот самый эпитет, стоящий перед словом Родина выше, не произнес». Для Хмелевского, «Родина вообще и родина советская - понятия разные в своей вершине, хотя и имеющие общий корень». Отсюда риторический вопрос «известинца»: «Надо ли оперировать менее

³⁶ РГАСПИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 83. 3,5,9,11,17,18-19,25-28,30-32,52-55.

³⁷ Там же. Ф. 17. Оп. 125 Д. 313 Л. 3-4.

совершенным по идейной глубине понятием, когда создалось более совершенное?».³⁸

С завершением войны проблематика советского патриотизма получила новое развитие. Так, выступая с лекцией «О значении изучения курса истории партии» в ВПШ при ЦК ВКП (б) 12 мая 1945 г., П.Н. Поспелов «корни ... победы» усмотрел «в глубокой истории нашей героической партии».³⁹

Однако даже в середине 1945 г. «пропагандистский маятник» продолжал колебаться между патриотическим и интернациональным полюсами. В письме «О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы за 1943 год и в области киноискусства за 1943–1944 годы»,⁴⁰ направленном И.В. Сталину в июне 1945 г. некоторыми членами Комитета, содержалась развернутая аргументация в пользу будущих лауреатов и их творений. В обширном сопроводительном письме Г.М. Маленков, А.А. Жданов, Г.Ф. Александров, М.Б. Храпченко, И.Г. Большаков и Н.С. Тихонов выражали свое мнение (в том числе, не совпадающее с решениями Комитета) по ряду позиций. К выдвинутым на первую премию в области музыки ораторию Ю.А. Шапорина «Сказание о битве за русскую землю» («лучшие традиции русского музыкального эпоса») и квартету № 9 Н.Я. Мясковского (образец «русской инструментальной камерной музыки»), авторы письма предложили добавить руководителя хора имени Пятницкого композитора В.Г. Захарова, чьи песни «Слава советской державе», «Стань лицом на запад» и др. «получили широкое распространение в стране». Также, вопреки мнению большинства членов Комитета, они посчитали кинокартины «Зоя» Л.О. Арнштама, «Георгий Саакадзе» М.Э. Чиаурели и «Радуга» М.С. Донского достойными не второй, а первой степени. Также на первую премию была предложена

³⁸ ГА РФ Ф. 8127. Оп. 1. Д. 33. Л. 176–184.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 36. Л. 127об.–128.

⁴⁰ Сталинские премии не присуждались в 1944 и 1945 гг. Лауреаты премии были названы только в 1946 г. в постановлениях Совмина СССР «О присуждении Сталинских премий за выдающиеся достижения в области искусства и литературы за 1943–1944 годы» (Правда. 1946. 27 янв.) и «О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы за 1945 год» (Правда. 1946. 27 июня).

отклоненная Комитетом 1-я серия кинофильма «Иван Грозный» С.М. Эйзенштейна, а на вторую – не набравший необходимо для выдвижения большинства голосов фильм Л.Д. Лукова «Два бойца».

Определенный компромисс прошлого и настоящего был достигнут при выдвижении на сталинские премии в области художественной прозы. Так, на премию 1-й степени были выдвинуты два исторических произведения («Емельян Пугачев» В.Я. Шишкова и «Порт-Артур» А.Н. Степанова), а на премию второй степени – повесть Б.Л. Горбатова «Непокоренные» о «патриотизме советских людей в оккупированном немцами Донбассе, о нерасторжимой связи нашего народа с советским строем, с большевистской партией». Наоборот, в области поэзии победили произведения в жанре «советского патриотизма» (поэмы «Знамя бригады» молодого белорусского поэта А.А. Кулешова и «Сын» П.Г. Антокольского), тогда как поэма А.А. Прокофьева «Слово о русских богатырях», в которой поэт «создал обобщенный поэтический образ богатырской силы русского народа», была выдвинута только на вторую премию.⁴¹

Завершением рассмотренного в статье «пропагандистского поворота» можно считать апрель 1946 г., завершивший затянувшийся период перестройки военной пропаганды. В этом месяце А.А. Жданов и Г.Ф. Александров направили А.А. Кузнецову и Г.М. Попову «Предложения о мероприятиях по улучшению руководства агитпропработой и по укреплению аппарата Управления пропаганды ЦК ВКП (б)», в которых отмечались «крупные недостатки» в агитационно-пропагандистской и идеологической работе и, прежде всего, «тенденция ... к одностороннему увлечению исторической тематикой». В противовес авторы записки предлагали усиление классово-партийной составляющей пропаганды: издание в 1946 г. брошюр на темы: «Что такое капитализм», «Как рабочие и крестьяне под руководством коммунистической партии установили и отстояли Советскую власть», «Борьба рабочих и крестьян под руководством партии Ленина–

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 28. Л. 19-34.

Сталина за построение социалистического общества в нашей стране», «Как устроено советское государство», «Как построена ВКП (б)», «Почему Советский Союз победил в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов», «Что такое коммунизм» и т.п.⁴² Исторические образцы патриотизма и общепатриотический дискурс военной поры были малоприменимы в условиях развертывающейся холодной войны и насаждения советских институтов и «преимуществ социализма» в странах Восточной Европы.

⁴² Там же. Д. 24. Л. 20-43.